

*В деревне этой не было ни зеркал, /
ни окон, / и мы смотрелись в стены /
со следами неизвестных бедствий /
и с корневищами, сплетёнными в кнуты.*

Габриэла Клара Пиньятаро

...я слышала... тёмное безмолвие.

Уильям Фолкнер

(«Когда я умирала», перевод В. Гольшева)

Разве забудешь форму света?

Химена Сантаолалья

В темноте кто-то вскрикнул. Надеюсь, это Лурдес.

Я подложила живых тараканов ей в подушку и зашила наволочку так, чтобы им было трудно оттуда выбраться и чтобы она почувствовала головой или лицом, как они там ползают (но было бы здорово, если бы они вылезли и проникли ей в уши, угнездились в барабанных перепонках, а потом она ощутила бы, как тараканьи детки корёжат ей мозг). В шве я оставила крошечные промежутки, чтобы тараканы постепенно, с трудом выползали наружу, как они это делают, когда я их ловлю и удерживаю (в заточении) в ладонях. Некоторые, бывает, кусаются. У них гибкий скелет, позволяющий им сплющиваться, чтобы пролезть в очень маленькие

Агустина Бастеррика

дырочки. Они могут просуществовать несколько дней без головы и долго находиться под водой; словом, они такие забавные. Мне нравится проводить над ними опыты. Я отрезаю им усы, выдёргиваю лапки. Втыкаю в их тело иголки. Давлю стеклянной банкой, чтобы подробнее рассмотреть это примитивное и живучее создание.

Я их варю.

Сжигаю.

Я их убиваю.

* * *

Я пишу эти строки острым пёрышком, которое тщательно прячу в подоле моей белой ночной рубашки, и чернилами — их я храню под деревянными досками пола. Пишу на листках бумаги, которые ношу на теле, за поясом, сшитым специально для случаев, когда приходится брать их с собой, и кладу ближе к сердцу, под серую туннику, такую, как прежде носили жившие здесь мужчины. Мы считаем, что это были священники, монахи, люди религиозные.

Нечестивицы

Мужчины-аскеты, решившие существовать как в Средние века. Они уже мертвецы, хотя некоторые утверждают, что их можно заметить краем глаза в темноте. Говорят, что, когда они явились с выжженной земли, из рухнувшего мира, ни Он, ни Сестра-Настоятельница не смогли найти у них ни мобильных телефонов, ни ноутбуков.

* * *

Группа избранных вошла в часовню Вознесения Господня — три Младшие Святые, которых подвели к алтарю. Они возлагали руки на плечи рабынь, которые их вели. Младшие Святые были прекрасны, как поцелованные Богом. Воздух наполнился сладковатым свежим ароматом.

То был запах мистики. Луч солнца упал на витражи, и часовня Вознесения Господня наполнилась крошечными полупрозрачными драгоценными камешками, которые на мгновение образовали мозаику.

Вдруг облако закрыло небо и прозрачные краски растаяли, но мы успели отчёт-

Агустина Бастеррика

ливо увидеть, как по щеке одной из Младших Святых стекает струйка крови и капает на её белую тунику. Нам стало понятно, кто так плохо зашил им глаза перед церемонией, — Мариэль. Бесплезная и беспомощная Мариэль, которая сейчас вытирала ладони о серую тунику и сверкала глазами, глядя на нас с грустным видом. Любопытно, как прежде звалась Мариэль?

Сестра-Настоятельница стояла в темноте, сбоку от алтаря. Мы заметили, как она почти неслышно притопывает чёрным башмаком по светлому деревянному полу. Берцы, как и брюки, которые она носит, — чёрного цвета, военные, солдатские. Невозможно разглядеть, при ней ли хлыст, поскольку вторую ногу не видно, она в темноте. Мы знали, что Он тоже у алтаря, за деревянными воротами, за трёхстворчатой рамкой, которая мешает нам видеть Его. (Единственные, кто имеет право Его лицезреть, — избранные и Просветлённые.) И тогда Он начал говорить. Сказал нам, что для того, чтобы стать Просветлёнными, нам надлежит избавиться от своего происхождения, от ложного Бога,

Нечестивицы

от фальшивого сына, от неправедной матери, от расхожих идей, от ночной скверны, которая незаметно и медленно внедряется в нашу кровь.

Я взглянула на вены на моих запястьях и коснулась пальцем синей линии.

Совершить очищение.

Он назвал нас нечестивицами, как и всякий раз, когда мы встречаемся в часовне Вознесения Господня каждые три или девять дней (мы никогда не знаем точно, когда нас позовут). Он повторил слово «нечестивицы», и каменные стены отозвались эхом, словно Его голос так силен, что может воздействовать на неживые объекты.

Младшие Святые исполнили Основной Гимн, подлинный, один из самых важных, гимн, которым подтверждается божественное прикосновение. Слов мы не поняли, это язык, который знают только избранные. А Он ещё раз объяснил нам, что в гимне говорится о том, как наш Бог через Просветлённых оберегает нас от скверны, провозглашая, что «без веры нет заступничества».

Агустина Бастеррика

После драматической паузы Младшие Святые продолжили пение. Я увидела, как тысячи белых лепестков вылетают из их ртов, наполняя воздух, это были лепестки лилий, которые сияли, пока не исчезли. Их голоса способны брать любые ноты, вибрировать вместе со светом звёзд (вот почему они зашивают себе веки, чтобы не отвлекаться на обыденное и улавливать реверберации, которые излучает наш Бог). Священные Кристаллы свисали с их шей, как символ уверенности в собственной святости — прозрачные кварцы чистоты. На певицах были ярко-белые туники без единого пятнышка. Мы слушали их молча, взволнованно, испытывая облегчение, ибо хоровое песнопение отвлекало нас от неистового стрекотания сверчков, которое вызывает оцепенение. Младшие Святые продолжали петь Основной Гимн, пока у всех троих одновременно не пошла кровь. Мариэль вскрикнула и вырвала у себя пучок волос. Мы дружно обернулись и увидели, что её голова почти полностью облысела. Когда она появилась у нас, все волосы были при ней и она была чиста от скверны, поэтому

Нечестивицы

её не определили в служанки. Непонятно, зачем она упорно хотела изуродовать себя. Некоторые из нас улыбнулись, предвкушая примерное наказание Мариэль. А другие закрыли лицо ладонями, изображая молитву, чтобы скрыть свою радость.

Младшие Святые продолжали петь у алтаря, но мы отвлеклись на размышления, кому из нас предстоит смывать кровь с пола, кому придётся всю ночь лечить и зашивать глаза Младшим Святым, а кому поручат наказать Мариэль. Я-то давным-давно придумала примерное наказание, поэтому сложила ладони в мольбе, чтобы это выпало мне.

Одна Младшая Святая упала в обморок; служанки оттащили её за руки и отнесли в покои избранных. Сестра-Настоятельница встала посреди алтаря и жестом велела нам уйти. А Он всё ещё стоял за воротами алтаря, или, по крайней мере, мы так думали, потому что ни разу не видели Его уходящим. И не знаем, как Он выглядит. Одни говорят, что Он так красив, что на него больно смотреть; другие — что его глаза похожи на нисходящие спирали или на глаза встревоженного

Агустина Бастеррика

человека. Впрочем, всё это лишь домыслы, потому что мы, нечестивицы, никогда Его не видали.

Мы молча встали, сдерживая гнев и скрывая ярость, потому что не всегда ведь можно услышать пение Младших Святых. Они настолько хрупкие, что некоторые из них не могут вынести тяжести произносимых священных слов (тех самых, которые позволяют нам не терять связь с нашим Богом), не выдерживают священного отблеска во тьме.

Мне выпало мыть пол, и я не знала, какому примерному наказанию подвергнется Мариэль. По слухам, ей придётся раздеться до гола и Лурдес вонзит иглу в какую-то часть её тела. Да, это поучительно, просто и утончённо. Жаль, такое не пришло мне в голову, но Лурдес придумывает наилучшие наказания. И всегда выбирают их.

Омовение пола от крови избранных стало моим приношением и жертвой, которых потребовала Сестра-Настоятельница.

Часовня Вознесения Господня погрузилась в полумрак, хотя я зажгла несколько

Нечестивицы

свечей, чтобы лучше разглядеть красные пятна на полу.

Пламя колебалось, и излучаемый им свет создавал на каменных плитах причудливые узоры, будто танцующие во тьме. Кровь Младших Святых (как и всех избранных) более чистая, поэтому служанкам не доверяют её смывать. Я осторожно прикоснулась к ней, пытаясь ощутить облегчение, избавление от неуместных, тайных мыслей, почувствовать исчезающие следы родной земли и радость от того, что я стала частью нашего Священного Братства. Приложив окрашенный кровью палец к языку, я почувствовала вкус крылатых насекомых и услышала ночные завывания. Мне стало ясно: кто-то из Младших Святых умрёт, и это меня обрадовало, потому что, когда умирает избранная, устраивают самые красивые похороны. В этот раз надо добиться, чтобы меня туда назначили.

Пока я мыла пол, одна из Полных Аур словно вплыла в часовню и присела на скамью. Она не заметила меня, стоящую на коленях. Зная, что она меня не слышит,